

УДК: 81'373.612

*И. В. Евсева***КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗНАНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Когнитивное направление сегодня пересматривает аристотелевский подход к формированию категорий. Исследования Э. Рош, К. Гольдштейна, М. Ширера, Дж. Лакоффа позволили выделять два вида категорий – «абстрактные» и «конкретные». Конкретные категории представляют собой, с точки зрения современной лингвистической теории, концепты. Категории и концепты взаимосвязаны между собой, что отражается на уровне языковых единиц.

Ключевые слова: категоризация, концептуализация, абстрактные и конкретные категории.

*I. V. Evseeva***CATEGORIZATION AND CONCEPTUALIZATION OF KNOWLEDGE:
THEORETICAL PROBLEMS**

The cognitive approach of modern linguistics reviews Aristotle's approach to the formation of categories. The researches of E. Rosh, K. Goldstein, M. Scheerer, G. Lakoff allow us to distinguish between two types of categories: abstract and concrete. Concrete categories can be called concepts from the point of view of modern Linguistics. Categories and concepts are interconnected, and this connection is reflected on the level of language units.

Keywords: categorization, conceptualization, abstract and concrete categories.

Один из наиболее значимых проблемных вопросов, стоящих перед когнитивистами, это, фактически, основной вопрос эпистемологии, вопрос, касающийся каталогизации знаний с последующей их категоризацией при наличии условий – отнесение определенного предмета или явления к конкретной категории. Важность его решения предопределена тем, что человек познает мир через исчисление и классификацию представляющих мир элементов.

В науке вообще и в лингвистике в частности проблема каталогизации и категоризации объектов далеко не нова. Она интересует исследователей со времен Аристотеля, но в разные временные периоды всегда решалась с точки зрения той научной парадигмы, к которой принадлежал конкретный исследователь.

Великий Аристотель, положивший начало учению о категориях, видел в категории наиболее общий род высказываний. Каждую вещь, о которой возможно сделать содержательное высказывание, философ подводил под одну из десяти выделенных им категорий: субстанция, количество, качество, отношение, пространство, время, состояние, обладание, действие, претерпевание. Эти общие рода, или классы, предназначены для перечисления всего, что может быть выражено без указания состава или структуры, то есть всего, что может быть или предметом, или предикатом суждения. [1]. Каждая категория, выделенная Аристотелем, «характеризуется необходимыми и достаточными для ее опознания чертами, что ведет к равноправию ее членов, обладающих всегда одним и тем же набором критериальных свойств»

[6, с. 45]. Данное понимание категории, в силу исключительной ценности этого понятия, было принято за основу многими науками, рассматривающими процессы категоризации. По замечанию Дж. Лакоффа, идея, что категории определяются общими свойствами, исходит не просто из нашей наивной теории категоризации. По мнению ученого, это, прежде всего, важнейший практический инструмент, являющийся принадлежностью человеческого мышления на протяжении более чем двух тысячелетий [7].

Сегодня классический, скорее, общеприимный и априорный, взгляд на категоризацию можно считать пересмотренным. В исследованиях антропоцентрической направленности, не отвергающих возможности выделения категорий, объединяющих элементы с общими свойствами, ставится вопрос о классификации предметов и явлений в естественной деятельности человека. Ученые тем самым хотят установить, на основании чего классифицирует вещи обычный человек и как он сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики.

Пересмотру классической теории категоризации в значительной мере способствовало возвращение на новом витке лингвистических исследований к идеям и трудам В. Гумбольдта, который отмечал, что «самые разнородные объекты, если они имеют хоть какое-нибудь общее свойство, попадают в один и тот же класс» [4, с. 194]. Категоризация, по Гумбольдту, стремится сделать язык более понятным, а это стремление, в свою очередь, вызвано потребностью человека быть понятным другими людьми. В связи с этим положением актуальным и значимым для когнитивного направления становится принцип «фамильного сходства», предложенный Л. Витгенштейном. В процессе анализа

естественного языка, его внутренней логики и коммуникативной функции выдающийся логик и философ языка пришел к исследованию так называемого «неклассификационного» типа распознавания объектов. Человек, по мнению Л. Витгенштейна, имеет дело с очень сложной сетью перекрывающихся друг друга и пересекающихся сходств. Иногда эти сходства носят общий характер, иногда касаются лишь деталей. Лучшим выражением такого рода сходств является «фамильное сходство»; моменты сходства, присущие членам одной семьи, такие, как осанка, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т. д., которые пересекаются и перекрывают друг друга. За счет этого происходит расширение понятия, подобно тому, как при прядении нити скручивают между собой отдельные волокна пряжи [3].

Принцип «фамильного сходства» нашел применение в исследованиях Э. Рош и ее коллег, которыми была предложена и подтверждена серия экспериментов так называемая теория прототипов. Они показали, что категоризация опирается на прототипы и структуры базового уровня, благодаря чему можно оценивать степень соответствия единиц свойствам категории.

Согласно теории прототипов, в основе организации категории находится иерархия ее членов. Иными словами, одни члены категории являются «лучшими её представителями» (они и были названы «прототипами»), то есть характеризуются всеми признаками этой категории, а другие обладают этими признаками лишь в той или иной степени, а потому не могут рассматриваться как прототипичные представители категории. Они удалены от ядра категории, и глубина их удаленности зависит не только от количества тождественных признаков, свойственных прототипичным членам конкретного класса, но и от наличия у члена общих черт, свой-

ственных каким-либо представителям данной категории, то есть наличием «фамильного сходства».

Важным положением теории прототипов является обоснование значимости базового уровня, находящегося в середине таксономических организаций: животное, мебель (высший уровень), собака, стул (базовый уровень), собака охотничья, кресло-качалка (нижестоящий уровень). Было доказано, что процессы категоризации опираются именно на базовый уровень, где знания организованы в иерархии «часть – целое» [7].

Не менее интересной и продуктивной для когнитивного направления является теория о конкретном и абстрактном отношении к действительности, предложенная К. Гольдштейном и М. Ширером [12]. Их научная концепция сложилась в ходе обобщения многолетних исследований особенностей перцептивной и интеллектуальной деятельности больных с поражениями коры головного мозга, прежде всего тех её областей, которые отвечают за ассоциативное мышление. Основной смысл теории состоит в выделении двух принципиально различных отношений к действительности и уровней организации поведения. «Конкретное отношение характеризуется реагированием на ситуацию в целом на основе некоторого нерасчлененного целостного интегрального впечатления или на основе наиболее ярких, бросающихся в глаза особенностей. В основе же абстрактного отношения лежит четкое аналитическое вычленение отдельных свойств, частей и деталей объектов. Целесообразная реакция отвечает в случаях абстрактного отношения не ситуации или объекту в целом и не ее случайным, ярким чертам, но их отдельным, четко выделенным, устойчивым в своем значении элементам. Если взрослый здоровый человек может действовать, смотря по обстоятельствам, и тем и другим способом, то больные

с поражениями передних и ассоциативных отделов коры в значительной мере ограничены конкретным способом» [11, с. 32].

Исследования К. Гольдштейна и М. Ширера позволили говорить о возможности выделения двух видов объединений – «абстрактных» и «конкретных». Основу первых (по сути – это категории в духе Аристотеля) репрезентируют объекты, имеющие наиболее существенные онтологические признаки, что позволяет выделять их в онтологический класс, объективирующий существенные, независимые от конкретных субъектов признаки предметов. К таким классам относятся таксономические объединения, отражающие устройство мира вообще – «растения», «животные», «мебель», «одежда» и так далее. В этом случае человек «отвлекается от своего повседневного опыта и сопоставляет разные объекты с целью отыскания у них каких-либо общих признаков» [10, с. 131]. При «конкретном» подходе к категоризации мира вычленяются «прагматические классы», отражающие «группировки предметов в конкретных ситуациях, в зависимости от восприятия субъектов, от их поведения или использования данными субъектами в данный момент и в данном месте» [10, с. 134]. В организации конкретных объединений принимают участие объекты разных онтологических классов, объединяющиеся на основании каких-то иных, пусть даже самых субъективных и временных признаков. Так, здоровые испытуемые, как показали К. Гольдштейн и М. Ширер, при классификации основываются на целостном образе объекта, рассматривая его как включенный в конкретную ситуацию. Это приводит к тому, что испытуемый объединяет вместе, например, тарелку, сахар и печенье, так как в своём повседневном опыте он привык именно к такому соположению этих реалий. Подобные конкретные объединения, формирующиеся на основе разных категорий и вводящие

их тем самым во взаимодействие, представляют собой, с точки зрения современной лингвистической теории, концепты.

Идее формирования конкретных объединений близка, на наш взгляд, позиция Дж. Лакоффа, который, рассматривая категоризацию как важнейший практический инструмент познания мира и человека, объединяет такие понятия, как «женщины», «огонь» и «опасные вещи», объясняя это тем, что женщины бывают пылкими и опасными [7].

Все это свидетельствует о том, что человек мыслит понятиями (концептами), комбинируя и осуществляя в их рамках глубинные предикации, и формирует новые классы в процессе мышления. Мышление же, в свою очередь, есть оперирование концептами как глобальными единицами структурированного знания. «Концепты сводят разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений к чему-то единому; подводя их под одну рубрику; они позволяют хранить знания о мире и оказываются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [6, с. 90].

Немецкий философ М. Хайдеггер в своих трудах [13] подчеркивал связь «онтологических условий» с некоторыми событиями и обстоятельствами индивидуального мира повседневных забот. Всеобщее (любое понятие бытия) оказывается производным от многообразия повседневных практик, лишенных даже намека на теоретическую рефлексию. Быт и бытование, по мнению философа, — это воплощение всего самоочевидного и тривиального. Что может быть неприметнее, естественнее и ближе совокупности элементарных повседневных действий: приготовления утреннего кофе, поездки в метро, чтения книг, дружеского разговора? Все эти действия

образуют в итоге смысловую взаимосвязь, именуемую Хайдеггером «миром».

Концептуальные классы, вычленяемые в мире «Действительное», отнюдь не исчерпываются множеством заранее заданных языком категорий. В работе [10, с. 59], со ссылкой на исследование Г. Мэрфи и Д. Медина, приводится пример класса, включающего разнообразные реалии: детей, драгоценности, телевизоры, картины, рукописи, фотоальбомы. Данное объединение не имеет стандартного обобщающего имени; предполагается, что оно включает все то, что следует выносить из дома во время пожара. В этом случае объединяющим принципом является субъективная ценность указанных объектов. Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. Концепт имени охватывает преломления всех видов знания о явлении, стоящем за ним, все то, что подведено под один знак и предопределяет бытие знака как когнитивной структуры.

Ученые считают, что язык является лишь одним из способов организации концептов в сознании человека. Для полноценного формирования концепта знания только языка недостаточно, необходимо привлечение чувственного опыта, наглядности, а также предметной деятельности с тем или иным предметом или явлением [9]. Ср.: «...концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные» [8, с. 72]. Образование категории связано с формированием концепта или группы концептов, вокруг которых категория строится, в связи с чем «механизм категоризации надо отнести к уровню концептуальной структуры, ибо суждения о принадлежности к одной и той же или разным категориям —

это итоги сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – пример категории Y» [6, с. 46].

И категории, и концепты, участвуя в организации языковой системы, естественно, имеют точки пересечения. Одна и та же лексическая единица может, с одной стороны, репрезентировать концепт на основе перцептивного опыта Говорящего (например, лексема *пошивочница*, отражая субъективный опыт Говорящего, может образовывать конкретную ситуативную категорию, объединяя лицо, помещение, средство, модель изделия и др.), а с другой – образовывать категорию в абстрактном понимании, объединяя дериваты *шляпница, шапочница, чепечница, фуражечница, юбочница, корсетница, жилетница, пальтошница* и т. п. Точно так же: концепт, представленный в языке словом *собака*, объединяет такие единицы, как *лайка, колли, водолаз*, и так далее, представляя абстрактную категорию. Но вместе с тем, рассматривая положение дел в мире «Действительное», мы на основании разных ситуаций повседневной жизни, в которые попадает или которые отмечает человек в связи с собакой (например, собака лает, кусается, сторожит дом, выражает преданность хозяину, является другом человека и др.) можем выделить категорию *собака*.

Таким образом, концепты, организованные в систему знаний о концепте, имеют ассоциативные, обусловленные перцептивным опытом связи в пределах естественных категорий. Традиционно «считается, что главная роль, которую играют концепты в мышлении, – это именно категоризация, позволяющая группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы» [2, с. 16]. Когнитивная лингвистика, занимаясь системным описанием разных видов знания и объяснением механизмов человеческого усвоения языка, изучает прин-

ципы структурирования этих механизмов и исследует структуры языка как ментальные процессы, как факты концептуализации и категоризации человеческого опыта.

Рассмотренные выше различные направления лингвистической мысли и стоящие за ними подходы, которые вскрывают механизмы категоризации и концептуализации, находят непосредственное отражение при характеристике языковых единиц, в частности – комплексных единиц словообразовательной системы (словообразовательная категория, словообразовательный тип, словообразовательное гнездо). Эти комплексные единицы в рамках когнитивного направления определяются как имеющие не одну, а две основные функции: они трактуются не только как единицы, содержащие информацию в упорядоченном виде, объективируя данные о мире, но и как знания, порождающие концептуальный и языковой мир.

Именно комплексные единицы являются наиболее крупными структурами, объединяющими дериваты (1) на основании тождества корня (так создаются гнезда), (2) на основе семантического тождества (так образуются категории), (3) на основе тождества деривационной семантики, форманта и части речи производящего слова (словообразовательные типы). Эти деривационные единицы направлены на раскрытие механизмов порождения и хранения знаний о мире.

Когнитивная сущность словообразовательных гнезд объясняется тем, что гнезда – наиболее удобные хранилища дериватов, объединенных по общности корня. Потенции, заложенные в корне слова, заметнее всего прослеживаются именно в гнезде: дериваты, группируясь вокруг базового слова, вбирая в себя частично или полностью семантику этого базового слова, формируют концептуальную структуру фреймового типа, проявляя дискурсивность мыслительной деятельности

говорящего. Производные слова, выполняя в гнездах свои предикативно-актантные функции, в нужный момент без труда извлекаются говорящими.

В границах словообразовательных типов происходит процесс образования производных слов, что отражает особенности мыслительной деятельности человека. Большинство лингвистов отводят словообразовательным типам главную роль по той важной причине, что новые производные слова образуются именно в пределах типа – по аналогии с дериватами, которые уже давно вошли в данный тип. При создании нового слова, а также воспроизведении уже известного говорящий опирается на знакомую ему модель, которая является, по сути, ключом к образованию слов. По мнению Н. В. Крушевского, «всякое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, то есть звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое. Или, другими словами, всякое слово способно, вследствие особого психического закона, возбуждать в нашем духе другие слова, с которыми оно сходно, и возбуждаться этими словами» [5, с. 145].

Сходство, как представляется, проявляется и в тех пропозиционально обусловленных функциях, которыми связаны мотивирующие слова и мотивированное.

Словообразовательная категория представляет собой структуру более абстрактного плана, чем тип. Для того, чтобы объединить дериваты по признаку тождества семантики форманта, человеку необходимо абстрагироваться от конкретного опыта, то есть произвести категоризацию – включить тот или иной дериват в одну словообразовательную категорию или исключить из нее. Словообразовательная категория значима для дериватологии как метаязыковая единица, в рамках которой можно проследить взаимодействие разных по пропозиционально-семантической организации словообразовательных типов, имеющих, тем не менее, как пересекающиеся, так и непересекающиеся пропозиционально-семантические сферы, проявляющие динамические процессы в словообразовании.

На наш взгляд, комплексные единицы словообразовательной системы в большей степени когнитивны, именно они позволяют вскрыть механизмы порождения и хранения знаний о мире.

Литература

1. Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 84 с.
2. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1996. – 104 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Изд-во «Гнозис», 1994. – 319 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – 197 с.
5. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Избранные работы по языкознанию. – М., 1998. – С. 96–222.
6. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. фак-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
7. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
8. Попова З. Д. Когнитивные пропозиции и семантика языка // Язык и национальное сознание. – Воронеж: ЦЧКИ, 1999. – Вып. 2. – С. 11–12.

9. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с.
10. Фрумкина Р. М. и др. Семантика и категоризация / Р. М. Фрумкина, А. В. Михеев, А. Д. Мостовая, Н. А. Рюмина. – М.: Наука, 1991. – 163 с.
11. Чуприкова Н. И. Принцип дифференциации когнитивных структур в умственном развитии, обучение и интеллект // Вопросы психологии. – 1990. – № 5. – С. 31–39.
12. Goldstein K., Scheerer M. Abstract and concrete behavior: An experimental study with special tests // Psychological Monographs / ed. by John F. Dashell. – 1941. – Vol. 53, No. 2 (whole No. 239). – P. 1–151.
13. Heidegger M. Sein und Zeit. – Max Niemeyer Verlag Tübingen, 1967. – 450 с.